

РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В 1812-1814 гг.: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Вопросы о правовом статусе русских военнопленных в период Отечественной войны 1812 года и политике государства по отношению к ним до сих пор не поднимались в отечественной историографии. В этой связи задачами данной публикации стали характеристика политики государства по отношению к бывшим военнопленным и тех трудностей, с которыми они сталкивались, возвращаясь на службу, а также анализ основных правовых актов российского государства, регулирующих правовой статус вышедших из плена.

Для решения поставленных задач были проанализированы следующие нормативные документы:

Всемилоостивейший манифест от 30 августа 1814 г.;

*Именной манифест министру юстиции о предоставлении свободы избирать род жизни беглым всякого рода, вышедшим из-за границы в определенный срок;

*Указ о не включении в счет 35-летней службы к награде орденом Св. Владимира времени нахождения в плену;

*Парижский мирный трактат и соглашения России с союзниками по антинаполеоновской коалиции о выдаче беглых.

Также были изучены документы РГВИА (ф. 103 и ф. 489), позволившие проанализировать правоприменительную практику государства по отношению к вышедшим из плена. Русские солдаты и офицеры попадали в плен с первых дней войны: в арьергардных боях, ранеными при отступлении, во время рекогносцировок. При первой же возможности они бежали из плена. Если в 1812 г. это были единичные случаи, то в 1813 и особенно в 1814 г. это явление приобрело массовый характер. Как же поступали с побывавшими в плену русскими солдатами и офицерами?

Весьма условно действия правительства по отношению к вышедшим из плена можно классифицировать по двум основаниям и соответственно разбить бывших военнопленных на две категории. Первая категория - это солдаты и офицеры, которые по выходу из плена были отправлены в те части, в которых служили ранее. Например, майор 6-го егерского полка Чичагов попал в плен под Смоленском 5 августа 1812 г., вышел из плена в апреле 1814 г. и был отправлен генерал-майором Желтухиным в свой полк. Там он дождался высочайшего приказа о зачислении, так как был исключен из списков. Об этом была сделана соответствующая запись в журнале дежурств по армииⁱ.

Некоторые факты о возвращении к своим полкам можно почерпнуть из полковых историй. Например, капитан 21-го егерского полка Яков Иванович Шмидт, который 5 августа 1812 г. под Смоленском пропал без вести, согласно истории полка, вернулся из плена только в 1816 г.ⁱⁱ

Не менее интересную картину дает нам анализ рапортов по отдельным полкам. Например, месячные рапорты Черниговского конно-егерского полка за 1813 г. Так, в январе к полку были причислены трое рядовых, считавшихся в числе убитых, раненых и без вести пропавших 24 августа 1812 г. у д. Шевардино, в апреле - один рядовой, считавшийся убитым 23 августа 1812 г. возле Колоцкого монастыря, и трое рядовых, пропавших без вести 24 и 28 августа при отступлении из Можайска. Всего в 1813 г к полку было причислено 38 рядовых и два унтер-офицераⁱⁱⁱ.

Надо отметить, что некоторые нижние чины в плену вели себя просто героически, несмотря на все лишения. Например, рядовой Невского пехотного полка Антон Халелин 29 сентября 1812 г. «в сражении при Корчине (?) был взят неприятелем в плен», где находился по август месяц 1813 г., «имея при себе порученные ему тогда солдатские артельные деньги 320 руб., сохранил оные в целости, а по прибытии в полк представил полковому своему командиру. Государь Император, в уважении к такому доброму Халелина поступку всемилоостивейше пожаловать соизволил ему в награду 500 рублей, а сверх того он, Халелин... произведен начальством в унтер-офицеры»^{iv}.

Вторая категория - солдаты и офицеры, которыми доукомплектовывали воинские части. Например, генерал-майор Сиверс сообщает генералу от кавалерии Винцингероде, что «для укомплектования находящейся при пехотной бригаде под командою генерал-майора Горбанцова артиллерийской легкой полуроты № 57 назначил я людей из находящихся здесь разных полков, бывших в плену у французов, всего 32 человека, о которых именным списком Вашему сиятельству представляю»^v. Тут же генерал-майор Сиверс сообщает, что «многие из них не имеют другого одеяния, кроме партикулярных изорванных шинелей и мундиров»^{vi} и спрашивает, откуда им взять обмундирование.

Упомянутый выше генерал-майор Желтухин в рапорте начальнику 2-го отдельного корпуса генерал-лейтенанту и кавалеру графу Орурку сообщает, что «состоящие в 12-м пехотном корпусе прикомандированные других корпусов воинские чины, бывшие в госпиталях и в плену, не имеют на себе никакой одежды, так что во время нынешнего холодного ненастья и грязи начинает большинство оных болеть». И просит выделить для них имеющиеся в Лепциге 500 шинелей^{vii}.

Таким образом, архивные документы свидетельствуют, что правовой статус вышедших из плена русских солдат и офицеров не был четко определен, во многом зависел от настроения и рвения начальства. Вырвавшись из французского плена, офицеры и нижние чины сталкивались в первую очередь с проблемами юридического характера: они были отставлены из полка либо как убитые, либо как пропавшие без вести. А приказов о зачислении обратно в полк приходилось ждать месяцами. Показателен пример майора Алексапольского пехотного полка Зенцова, который был взят в плен 2 февраля 1814 года, бежал из плена, явился к командующему Алексапольского полка полковнику Панцебитеру, а тот сообщил, что не имеет о поступлении Зенцова «в оный полк никакого повеления, по сему и в причислении не полагает». До июня 1814 г. майору пришлось писать рапорты с просьбами о зачислении его обратно в полк^{viii}.

Подобные юридические коллизии приводили к проблемам экономического характера. Как уже было показано выше, офицерам и солдатам, вышедшим из плена, элементарно не хватало обмундирования и амуниции. Справедливости ради следует упомянуть случаи, когда командиры брали инициативу в свои руки. Например, генерал-майор Цвилленев в рапорте генералу от кавалерии барону Винцингероде сообщает, что «22 числа сего марта отправлено из Праги в егерской роте, составленной из выздоровевших и вышедших из плена... разных полков, принадлежащих к корпусу Вашего превосходительства обер-офицеров шесть и нижних чинов сто шестьдесят три человека под командою 41-го егерского полка капитана Зыбина до г. Лейпцига, с тем, чтобы получить дальнейшее направление от находящегося там генерал-майора Бердяева... означенные в этой ведомости нижние чины удовлетворены в счет жалования по одному серебряному рублю и годовыми вещами: по одной рубахе, по две пары сапог и летними панталонами»^{ix}.

Правовая база для урегулирования вопросов о вышедших из плена появляется, когда вступает в силу Всемиловейший манифест от 30 августа 1814 г. В пункте 7 (о льготах и милостях) указывалось: «Всякого рода и звания военным людям, крестьянам и прочим обывателям, отлучившимся из отечества, жилищ и команд их самовольно, даруем прощение, буде пребывающие внутри России возвратятся от сего числа в течение года, а из иностранных земель в течение двух лет»^x. Анализ Полного собрания законов Российской империи показывает, что термин «военнопленный» употреблялся только по отношению к иностранцам, а русских называли либо «беглыми», либо «дезертирами»*. В статье X Парижского мирного трактата от 8 (20) ноября 1815 г. говорилось, что «все взятые в плен во время неприязненных действий, равным образом и все аманаты, взятые или данные добровольно, будут взаимно возвращены, сколь возможно скорее. Тоже самое разумеется и о взятых в плен до заключения трактата 18 (30) мая 1814 года, кои донныне еще не возвращены»^{xi}.

Анализируя Полное собрание законов Российской империи, можно выявить целый ряд соглашений, которые были заключены между Россией и ее союзниками по антинаполеоновской коалиции о выдаче «беглых». Это «Конвенция с королем Прусским о выдаче беглых», «Дополнительные статьи к заключенной 13/25 мая 1816 г. между Россиею и Пруссиею конвенции о выдаче беглых»^{xii}, «Декларация, заключенная между дворами Российским и Австрийским о взаимной выдаче дезертиров»^{xiii}. Принятию этих документов способствовали ситуации, подобные той, о которой сообщает действительный статский

советник, русский уполномоченный в Богемии барон Федор Бюллер: «Находившийся в г. Брюгге российский комендант подпоручик Коровицкий в прошедшем январе месяце уведомил меня, что в числе стоящих там австрийских войск нашел он много русских солдат, которые, будучи в прошедшие кампании взяты в плен, принуждены были вступить в австрийскую службу и желают теперь возвратиться в свое отечество, но на требование его о том к их начальникам, они ему в увольнении от службы сих солдат отказали»^{xiv}. Далее в дело вступила уже дипломатическая служба, Бюллер «немедленно отнесся к правительству и, несмотря на все отговорки и сопротивление, представлениями и убеждениями склонил оное не только отпустить означенных найденных г. Коровицким солдат, но и позволить нашим офицерам осмотреть бывшие войска, чтобы узнать, не находятся ли в оных солдат еще более. Равным образом осведомясь, что и к бывшему в Праге российским комендантом майору Биндеру явилось несколько таковых же русских солдат, находящихся в австрийской службе, я исходатайствовал выдачу оных и дал коменданту приказ всех их отправить к своим местам, что и исполнено»^{xv}.

Впоследствии и были приняты «Декларация, заключенная между дворами Российским и Австрийским о взаимной выдаче дезертиров» и «Конвенция с королем Прусским о выдаче беглых». Это доказывает, что подобные случаи были не единичны и требовали решения на государственном уровне.

В целом следует отметить вполне рациональный подход русского правительства к проблеме возвращения военнопленных. И традиционное превалирование интересов государства над интересами отдельной личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 г. Св. 8. Д. 37. Ч. 2. Л. 49.

ⁱⁱ Годунов В.И. История 91-го пехотного Двинского полка, 1805-1905 гг. Юрьев, 1905. С. 81.

ⁱⁱⁱ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2815. Автор благодарит А. Вершинина за предоставленные сведения.

^{iv} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 137. Д. 20. Л. 100-102

^v Там же. Оп. 1/208в. Д. 2. Св. 45. Л. 11.

^{vi} Там же.

^{vii} Там же. Оп. 1/208г. Св. 10. Д. 48. Ч. 2. Л. 20.

^{viii} Там же. Л. 100.

^{ix} Там же. Св. 8. Д. 37. Ч. 2. Л. 22.

^x Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. I. Т. 32. С. 906-910. № 25671, 30 авг. 1814 г.

^{xi} Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIV: Трактаты с Францией, 1807-1820. СПб., 1905. С. 299-300.

^{xii} ПСЗ. Т. 34. С. 448. №26266.

^{xiii} Там же. Т. 33. С. 342. №25985.

^{xiv} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 1. Д. 8 Л. 29.

^{xv} Там же. Л. 29-29об.